

Либеральная модель преобразования России начала XX века

Исходная посылка, объединяющая все течения в русском либерализме, — признание как в теории, так и на практике приоритетности эволюционного пути общественного развития. Будучи по своему миропониманию, мировоззрению и мироощущению эволюционистами, идеологи либерализма выступали против насильственных экспериментов переустройства общества. Отстаивая идею об исторической закономерности и неизбежности капитализма, теоретики либерализма считали, что "в данный момент его (капитализм. — *В.Ш.*) непосредственно нельзя устранить, не подвергая опасности само существование общества"¹. Подчеркивая, что в ближайшей исторической перспективе общественный прогресс мыслим только в эволюционной парадигме, некоторые из либеральных теоретиков пытались доказать, что и в прошлом "социальных катастроф и революций, строго говоря, никогда не было и никогда не будет, бывает лишь социальная эволюция большей или меньшей интенсивности"².

Однако, сходясь в неприятии идеи насильственной социальной революции, идеологи различных течений в либерализме расходились по вопросу о возможности и допустимости политической революции. Если либералы старой генерации категорически отрицали революции вообще, то теоретики нового либерализма (кадеты) расчленили понятие "революция" на социальную, которая ими также отвергалась, и революцию политическую, возможность, а в ряде случаев необходимость и даже неизбежность которой ими в принципе признавалась. Политическая революция, по мнению либералов новой генерации, правомерна тогда и постольку, когда и поскольку она берет на себя решение объективно назревших исторических задач, которые в силу тех или иных причин не в состоянии решить существующий режим. При таком подходе политическая революция представлялась как следствие "неразумной" политики правительства, его неспособности своевременно провести необходимые политические реформы.

¹ Булгаков С. Два града: Исследования о природе общественных идеалов М., 1911 Т. I. С. 223.

² Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907 С. 81.

Из либеральной концепции общественного прогресса вытекал вывод о ведущей роли буржуазии не только в экономической, но и в политической сферах. Однако такая общая посылка явно противоречила реальной российской действительности. Дело в том, что основная масса крупной российской буржуазии была консервативной, связанной тысячами нитей с правящим режимом, и не разделяла ни политических, ни тем более социальных "увлечений" интеллигенции. Поэтому в ходе теоретических поисков выхода из данного тупика идеологи нового либерализма пытались сконструировать собственную модель движущих сил общественного прогресса в России. В ее основу были положены две взаимосвязанные идеи: о "внеклассовой" сущности российского государства и "внесловности" русской интеллигенции. Синтез этих двух сил, по мнению либералов, и должен был обеспечить процесс модернизации России.

В рамках единой либеральной модели общественного прогресса существовало три варианта модернизации России, что обуславливалось различиями в понимании кадетами, октябристами и прогрессистами (три течения в русском либерализме) потенциальных возможностей общественных сил, заинтересованных в капиталистической модернизации страны. Октябристы были убеждены в том, что оба господствующих класса (и крупные помещики, и крупная буржуазия) в равной степени заинтересованы в модернизации всей системы социально-экономических и политических отношений. Причем эта модернизация, по их мнению, должна была протекать медленными темпами, не затрагивая основ экономического господства тех слоев крупных помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии, интересы которых они представляли на политической арене.

Несколько иной точки зрения придерживались прогрессисты. Они считали, что "между аграриями и промышленниками союза быть не может" и "дворянину и буржуа нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа: одному из них придется уходить". Обращаясь к опыту борьбы между дворянством и буржуазией за политическое господство в западноевропейских странах, идеологи прогрессизма подчеркивали, что "вся история доказывает одно, как только наметилась противоположность интересов между классом землевладельцев и классом торгово-промышленным, знамя прогресса никогда не переходило в лагерь землевладельцев". Фактически речь шла о провозглашении новой системы ценностных ориентаций, в шкале которой приоритетными становились создание рациональной капиталистической экономики и выделение центральной фигуры общественного прогресса в лице передовых и политически активных слоев торгово-промышленной буржуазии.

В свою очередь, кадеты, прямо не связанные ни с помещичьей или капиталистической собственностью, ни с господствующими классами и правительственной бюрократией, предлагали более радикальный вариант модернизации страны. Суть его сводилась к

преобразованию России в цивилизованное демократическое государство, созданию предпосылок и условий для гармонического развития личности и нормального (без политических, социальных, национальных и профессиональных конфликтов) функционирования гражданского общества.

Теоретические разногласия, имевшиеся в рамках либеральной модели общественного переустройства, нашли свое отражение в программных документах кадетов, октябристов и прогрессистов. Причем наиболее зримо они проявились в вопросах преобразования политического строя России.

Политическим идеалом кадетов и прогрессистов явилось установление в стране конституционно-парламентского режима, основанного на четком разделении функций между тремя ветвями власти: представительной, исполнительной и судебной — независимых друг от друга, но вместе с тем составляющих единую целостную систему правового государства. Законодательная власть принадлежала и осуществлялась монархом (до свержения монархии в феврале 1917 г.) и двухпалатным народным представительством, избранным на основе всеобщего избирательного права. Исполнительная власть передавалась ответственному думскому министерству (по проектам 1917 г. вводилась должность президента республики). Радикальному реформированию подлежала (и по вертикали, и по горизонтали) вся система органов местного управления и самоуправления. Местное самоуправление распространялось на всю Россию и приближалось непосредственно к населению (введение волостного и поселкового земств). Все российские граждане независимо от пола, национальности и вероисповедания получали равные политические права, закрепляемые в конституции и охраняемые независимой судебной властью. Таким образом, создавались политические условия для формирования гражданского общества и правового государства, для нормального функционирования всей системы общественных отношений, всестороннего раскрытия потенциальных творческих возможностей личности.

Что касается октябристов, то их политическая программа имела либерально-консервативный характер. Они отстаивали принцип наследственной конституционной монархии (вплоть до свержения монархии), были противниками парламентаризма, выступали за сохранение имущественного и образовательного цензов, а также ценза оседлости для выборов в Государственную Думу, органы местного самоуправления и местный суд.

Будучи по своему миросозерцанию унитаристами, кадеты, прогрессисты и октябристы не признавали право наций на политическое отделение от Российской империи, выступали против федеративного устройства государства. Однако и здесь между ними были отличия. Так, кадеты в своей национальной программе требовали предоставления автономии Польше и Финляндии, прав культурно-

национального самоопределения (использование родного языка в школе, высших учебных заведениях, суде и т.д.), а в отдельных, каждый раз особо санкционированных представительной властью случаях — предоставление областной автономии. Прогрессисты и октябристы были решительными противниками национальной автономии (за исключением Финляндии). По их мнению, предоставление личности гражданских и политических прав, распространение местного самоуправления на всю территорию России является вполне достаточным для защиты прав национальных меньшинств.

Большое внимание в программах кадетов, прогрессистов и октябристов уделялось социальным проблемам, прежде всего наиболее острому для России аграрному вопросу. При этом общим для либеральных партий было стремление во что бы то ни стало максимально сохранить хозяйство капиталистического типа. Так, прогрессисты и октябристы основной акцент делали не на увеличение крестьянского землевладения за счет принудительного отчуждения помещичьей земли, а прежде всего на уравнивании крестьян в гражданских правах с другими сословиями, на ликвидации архаичной системы земледелия, повышении производительности труда. Вместе с тем октябристы и прогрессисты разошлись в оценке столыпинских аграрных преобразований. Если программа октябристов по существу совпадала со столыпинской аграрной программой, то прогрессисты считали нецелесообразным форсировать процесс насильственного разрушения крестьянской общины, ибо это, по их мнению, ведет к обнищанию и пролетаризации значительного числа крестьян. Прогрессисты полагали, что без крупной материально-технической и финансовой поддержки государства переход крестьян с общинной формы хозяйствования на хутора и отруба будет затруднен.

В свою очередь, кадеты считали, что без частичного принудительного отчуждения помещичьей земли решить аграрный вопрос нельзя. Настаивая на сохранении помещичьей собственности капиталистического типа, кадеты выражали готовность пожертвовать крупным латифундальным землевладением — экономический основой авторитарной власти и постоянным источником недовольства крестьянских масс. Вместе с тем кадеты понимали, что одними латифундиями от крестьянского движения откупиться не удастся. Поэтому они допускали возможность отчуждения части земли и у тех помещиков, которые вели самостоятельное хозяйство. Однако и в том, и в другом случае отчуждение помещичьей земли предполагалось провести за выкуп — наполовину за счет государства и наполовину за счет самих крестьян. Кадеты намеревались передать решение земельного вопроса в местные комитеты, состоящие на паритетных началах из представителей заинтересованных сторон: помещиков, крестьян и чиновников

По мнению теоретиков либерализма, государство должно было выступать в роли регулятора отношений между промышленниками

и наемными рабочими. В конституции и специальном рабочем законодательстве должно было быть предусмотрено право рабочих и служащих на забастовки, создание профсоюзов, примирительных камер и арбитражных судов, кооперативов, страховых обществ и т.д. Они выступали за поэтапное сокращение рабочего дня, предложили систему мер охраны труда наемных рабочих и служащих, настаивали на необходимости государственной поддержки профессионального образования, на предоставлении рабочим дешевого кредита на строительство жилья и т.д. Вместе с тем между кадетами, прогрессистами и октябристами имели место некоторые расхождения по рабочему вопросу. Так, согласно октябристской программе, стачки запрещались на всех производствах, имевших "государственный и общественный характер": на железных дорогах, предприятиях оборонного значения, на коммунальном транспорте, в торговых предприятиях, аптеках и т.д. В отличие от кадетской программы, в которой фигурировало требование постепенного введения восьмичасового рабочего дня, октябристы и прогрессисты не спешили с сокращением рабочего дня для взрослых рабочих.

Если в политических и социальных разделах программ между кадетами, прогрессистами и октябристами имелись различия, то в области экономических преобразований наблюдалось совпадение взглядов. Разрабатывая концепцию модернизации экономики, либеральные теоретики подчеркивали, что "подъем производительных сил есть в настоящее время подлинная национальная задача, национальная обязанность современных поколений, от которой зависит политическое и культурное будущее России". Развитие производительных сил, по их мнению, должно было способствовать реализации комплекса задач: превратить Россию в развитую индустриальную державу, ликвидировав тем самым ее экономическое отставание от передовых капиталистических стран; упрочить экономическую мощь и политическое влияние русской буржуазии; подвести прочный экономический фундамент под систему правового государства, под намечаемые социальные реформы, без проведения которых нельзя было достичь и политической стабильности.

Огромную роль в процессе экономической модернизации страны либералы придавали государству. Выступая за развитие частного предпринимательства и частной инициативы, кадеты, прогрессисты и октябристы считали, что государство, освободившись от "гипертрофии экономических функций", должно взять на себя обязанности планирования экономики. Предполагалось создать при Совете министров специальный координационный орган (с участием представителей законодательных палат и деловых промышленных и финансовых кругов) для разработки перспективного плана развития всех отраслей народного хозяйства. Кардинальному пересмотру подлежали устаревшие торгово-промышленное законодательство, налоговая система, тарифы. Государство должно было

принять меры к устранению мелочной бюрократической опеки и регламентации, стесняющих свободу торгово-предпринимательской деятельности, открыть доступ частному капиталу к эксплуатации природных богатств, железнодорожному строительству, горным промыслам, почтово-телеграфному делу и т.д. Одновременно государство должно было способствовать организации всех видов промышленного кредита; создать широкую сеть торгово-промышленных палат и биржевых судов; содействовать расширению внешней торговли и организации консульской службы. Подобного рода система государственных мероприятий должна была создать оптимальные условия для рационального функционирования и дальнейшего развития капиталистической системы хозяйства, укрепить экономическую мощь и политическое влияние предпринимательского класса.

Уделяя преимущественное внимание проблемам индустриализации, теоретики либерализма считали крайне важным ликвидировать "ножницы" между уровнем и темпами развития промышленности и сельского хозяйства. В целях подъема сельскохозяйственного производства в программах либеральных партий предлагалось при содействии государства провести комплекс мероприятий: 1) поощрение сельскохозяйственной промышленности и связанных с ней сельскохозяйственных технических производств; 2) развитие мелких кустарных промыслов и организация дешевого кустарного кредита; 3) открытие на местах банков акционерного типа; 4) создание широкой сети дешевого мелкого кредита: долгосрочного (ипотечного), краткосрочного, переселенческого, мелиоративного и т.п.; 5) передача части средств сберегательных касс на нужды сельскохозяйственного кредита, а также оказание поддержки мелким сельскохозяйственным товариществам, которые могли объединяться в крупные союзы; 6) создание широкой сети разного рода сельскохозяйственных союзов и кредитных коопераций; 7) устройство опытных станций, образцовых крестьянских хуторов; 8) снижение пошлин на сельскохозяйственные машины, семена; 9) распространение технического, агрономического, зоотехнического, ветеринарного и коммерческого образования.

В программах либеральных партий большое внимание уделялось развитию кооперации, которая в условиях рыночных отношений должна была стать мощным средством развития производительных сил в сельском хозяйстве, способствовать повышению материального благосостояния основной массы крестьян. Не ограничивая индивидуальную самостоятельность и не сдерживая инициативу крестьян, сельскохозяйственная кооперация в то же время позволила бы им воспользоваться всеми преимуществами как крупного, так и мелкого хозяйства, облегчила бы даже самым бедным крестьянским хозяйствам приобретение техники, удобрений, семян, получение кредита и т.д.

Важное место в программах либеральных партий уделено формированию рациональной финансовой и налоговой системы. Основ-

ная суть предлагаемых ими в данной сфере реформ сводилась к следующему: 1) пересмотр государственного расходного бюджета в целях сокращения расходов и отмены непроизводительных по своему назначению ассигнований; 2) введение прогрессивного подоходного обложения и налога на наследство; 3) постепенное понижение косвенного обложения и постепенная отмена косвенных налогов на предметы первой необходимости; 4) понижение таможенных пошлин "без угрозы существованию и развитию русского народного хозяйства", 5) независимость Государственного контроля и подчинение его надзору всех доходов и расходов государства; 6) независимое положение Государственного банка и пересмотр его устава "в целях приспособления его к роли регулятора денежного обращения"; 7) отделение сберегательных касс от Государственного банка и изъятие их из ведомства Министерства финансов. Либералы считали необходимым создать при Министерстве торговли и промышленности Совет по экономическим делам и специальный экспертный банк для проведения финансовых операций, связанных с интересами русской внешней торговли. Они настаивали также на необходимости внимательного изучения конъюнктуры международных рынков.

Учитывая геополитическое положение России, либералы большое внимание уделяли вопросам реорганизации армии и флота. Они настаивали на необходимости оснащения армии новейшими видами вооружения, создания гибкой и мобильной системы управления сухопутными и военно-морскими силами, улучшения военно-технической подготовки военнослужащих и их материального положения. Либералы высказывались за создание широкой сети военных высших и средних учебных заведений, создание спортивных военных обществ, разного рода патриотических организаций. Пацифистские же настроения в русском либерализме, хотя и имели место, но не получили широкого распространения.

Несмотря на различия, программы либеральных партий все же сходились в главном. В них теоретики либерализма пытались сконструировать модель "Великой России" и рассчитывали внедрить ее в массовое сознание. Они призывали интеллигенцию коренным образом пересмотреть свое "экономическое мировоззрение", которое пронизывали идеи равенства и социальной справедливости, признать, что содействие развитию производительных сил есть "национальный идеал и национальное служение". Настаивая на тесном сотрудничестве науки и капитала, они были убеждены в том, что в конечном счете оно может привести к созданию рационально функционирующей системы рыночных отношений, к взаимному приспособлению и примирению "демократии и капитализма", к установлению в стране политической стабильности и социального мира. Одновременно они призывали рабочих и служащих к пониманию роли "свободной дисциплины труда", к мирному разрешению конфликтов между трудом и капиталом. Солидарность всех социальных сил,

участвующих в производственном процессе, позволила бы, по мнению либеральных теоретиков, преодолеть классовые антагонизмы, рудименты антибуржуазной ментальности и широко распространенной уравнилительной психологии.

Естественно, возникает вопрос: почему же столь рационалистически выверенная либеральная модель переустройства России оказалась не реализованной?

Во-первых, русские либералы-интеллектуалы конструировали свою теоретическую модель переустройства России, исходя преимущественно из желаемого — того, что, по их мнению, отражало ведущую тенденцию общественного прогресса. Однако "зазор" между идеально желаемым и реально существовавшим в России оказался настолько велик, что их модель не была адекватна исторической среде восприятия.

Во-вторых, русский либерализм был расколот уже на теоретическом уровне. По существу либеральная теоретическая модель общественного переустройства России представляла собой своеобразный синтез нескольких субмоделей, получивших воплощение в программах различных либеральных партий. Раскол либералов на теоретическом уровне в итоге привел к их расколу на программном и организационном уровнях. Вместо единой либеральной партии в России возникло и действовало несколько таких партий, что, естественно, не могло не сказаться на консолидации либеральной оппозиции, на выработке и осуществлении ею стратегического и тактического курсов.

В-третьих, в отличие от западноевропейского либерализма, имевшего прочную опору в средних слоях, русский либерализм такой широкой социальной опоры не имел. Будучи интеллектуальным, русский либерализм лишь мечтал о том, что ему в обозримом будущем (на пути реализации своей программы) удастся создать адекватную социальную базу. Конструируя свою теоретическую модель, либералы-интеллектуалы питали надежду, что при содействии правового государства им рано или поздно удастся создать широкий социальный базис для утверждения в России гражданского общества, правовых институтов, рыночной экономики.

В-четвертых, русский либерализм оказался не только на уровне социума, но и на уровне политики без адекватной среды его восприятия. Либеральная модель была неприемлема как для авторитарного режима — даже трансформировавшегося в третьейиюньскую политическую систему, так и для поддерживавших его традиционалистски настроенных правоконсервативных сил, усматривавших в либералах "революционеров", замысливших радикальный переворот во всех сферах жизни. Не получив ни понимания, ни тем более поддержки со стороны авторитарного режима, либералы оказались в весьма сложной ситуации, ибо лишились тех государственных институтов и рычагов, с помощью которых надеялись реализовать свою модель. После же Февральской революции 1917 г.

попытки либералов сделать это были блокированы диаметрально противоположными бывшему авторитарному режиму силами — леворадикальными партиями социалистического толка. Последние усматривали в них "буржуа", стремившихся к той же эксплуатации трудящихся масс, но более тонкими, цивилизованными методами. Попытки либералов "переплавить" традиционное массовое сознание в новое, конституционное и правовое, также не увенчались успехом. Полярность социальной структуры российского общества, служившая основой и культурного раскола, развела "верхи" и "низы" по разные стороны политических баррикад. В этих условиях возможности уговорить тех и других стать политическими, а тем более социальными партнерами не существовало. Того, кто становился между двумя враждебными социально-политическими силами, стремящимися навязать свое решение всех проблем, ожидал трагический конец. Либералы сами оказались перемолотыми между этими двумя жерновами.

Несмотря на свое поражение, русские либералы все же внесли свой вклад в развитие общественно-политической мысли. В начале XX в. русский либерализм достиг очевидных интеллектуальных высот, стал зрелым, обогатил мировую либеральную практику важным политическим опытом. Русским либералам-интеллектуалам удалось создать рационалистическую мировоззренческую систему, в основу которой были положены общечеловеческие ценности. Однако нельзя забывать о том, что даже самые хорошие теоретические модели могут оказаться (и оказались) невостребованными или даже отторгнутыми исторической средой, если она внутренне не созрела для их восприятия. В этом смысле можно сказать, что идеи русских либералов начала XX в. опередили свое время.